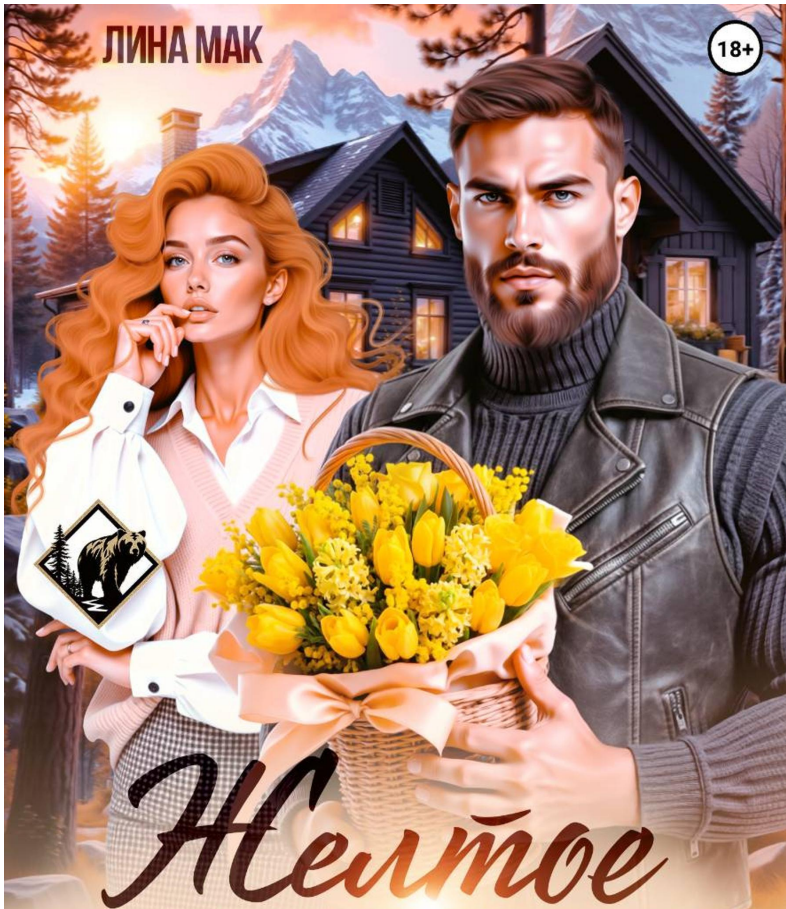

ЛИНА МАК

18+

Желтое
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:

**СИБИРЯК ИДЕТ НА
ПРИМИРЕНИЕ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Лина Мак

Желтое предупреждение: сибиряк идёт на примирение

Серия «Сибиряки любят»

<https://litres.ru/73927309>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Коршунов, ты портишь мне аппетит, — Лиза сидит за столиком в кафе, вся такая яркая, воздушная и моя!

— Ну что ты, Лисичка моя, — скалюсь и ставлю на стол корзину с цветами. — Я пришёл предложить свои услуги.

Лиза поднимает на меня испепеляющий взгляд, а в её тоненьких пальчиках дрожит ложка, которой она очень красиво ела десерт.

— Я знаю все твои способности, Глеб. Ни одна не интересует, — гордо отбрасывает меня эта лисица, от чего я чувствую, как жар пробивает всё, что ниже пояса.

— Зря. Тебе нужно снять напряжение. Слишком нервная Лисичка. А кто, как не я, может тебе в этом помочь? — и специально провожу языком по губам.

И я знаю, что эта Лисичка точно понимает, что с ней может быть: её ножки быстро прижимаются друг к другу, а щёчки заливают предательский румянец!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Желтое предупреждение: сибиряк идёт на примирение

Глава 1

«Замуж! Срочно! Пока берут!»

«Тебе уже пора замуж!»

«Ты же уже даже в последний вагон не вскакиваешь! Всё!

Просрочка!»

«Тю, ну подумаешь, мужик носки разбрасывает. Пускай лучше такой, чем вообще одной!»

«Ты что? Он же тебе цветы подарил! А ты нос воротишь! Останешься старой клушей!»

Ну, в общем, перечислять я могу много, но от перестановки слагаемых сумма не меняется. Почему все мои родственники и друзья резко решили выдать меня замуж?

Вероятно, это всё март, с его весенним обострением. В последние пару лет это стало проявляться на регулярной основе, но я всё же надеюсь, что их попустит.

У меня отличная прививка от семейной жизни. Вот прямо на пять баллов! Хватило до конца дней моих. Спасибо,

больше в такие игры я не играю, в подопытного кролика — тоже. Да и в сексе... А в сексе, уж извините, но никого нормального так и не нашла!

И вот я стою сейчас в небольшой зале для совещаний нашей компании, которая занимается грузоперевозками, прижимаю к груди большой букет розовых тюльпанов и слушаю, как мои коллеги дружным, стройным хором поют знаменитые строчки:

— В этот день родили тебя на свет!

В этот день с иголочки ты одета!

В этот день и водка не во вред!

Тебе сегодня тридцать ле-е-ет!

— Поздравляем!

— Поздравляем!

— Поздравляем!

— УРА!

— Лизка, с днём рождения тебя! — ко мне подбегает подруга Оля, с которой мы уже работаем лет пять вместе.

Она расцеловывает меня снова, обнимает и шепчет ещё раз по кругу все поздравления, которые я уже слышала. Где-то над головой раздаётся звук дуделки, в которую свилят на детских днях рождения. Точно знаю, что кто-то притащил их из дома. У нас здесь почти все семейные, и у каждого — от двоих детей.

— Оленька, отпустите Лизоньку, — рядом звучит слишком приторный голос нашего начальника, а его потная ла-

донь ложится мне на плечо. — Я тоже хочу поздравить её.

— Конечно-конечно! — Олька, как настоящая предательница, закивала болванчиком и, выпучив в мою сторону глаза, ими же указала в сторону шефа.

У моей подруги идея фикс, что наш шеф должен обязательно стать моим мужем. Жаль только, что я с ней эту идею не разделяю.

А учитывая, что я сейчас чувствую, как его пальцы массируют моё плечо, то ли специально, то ли от нервного тика, он меня ещё и подбешивает.

Вот как шеф Кузьма Семёныч меня вполне устраивает. Мужчина слегка за сорок, слегка поплывший, слегка уработавшийся, слегка разведён и слегка самоуверен в своей неотразимости.

В общем, всего в нём слегка многовато для такой привередливой и противной меня, которая любому, даже самому опытному дальнобойщику промассирует все мозговые нейронные связи и талантливо потом вложит в эти связи всё, что нужно мне и нашей фирме для хорошей работы.

— Лизонька, ты просто великолепно выглядишь, — шеф склонился к моему уху и дыхнул на меня горячительными парами, а в его глазах заплясали те самые черти, которые уже почти на издыхании, но пытаются показать, что его омут не обмельчал.

Но я ещё та противная клуша, и не люблю, когда от мужиков пахнет перегаром.

— Спасибо, Кузьма Семёныч. Вы тоже ничего, — дежурно улыбнулась ему и кивнула одному из коллег, который в очередной раз прокричал тост в мою честь.

— Ну почему же «ничего»? — Семёныч явно старался подмигнуть мне сексуально, вот только что-то пошло не по плану, и вместе с подмигивающим глазом у него дёрнулась голова в сторону моего виска.

— Ауч! — зашипела я.

— Ой, Лизонька, прости меня! Я такой неловкий! — он быстро подхватил меня под руку и повёл на выход из зала совещаний. — Пойдём в кабинет. У меня там есть холодное. Нужно срочно приложить.

— Не нужно, Кузьма Семёныч, — попыталась проморгать летящие перед глазами звёзды, но у нас с шефом явно разные весовые категории.

— Не спорь, Лизонька. Я сейчас всё сделаю по высшему разряду, — промурлыкал чуть захмелевший шеф и втолкнул меня в свой кабинет в буквальном смысле.

Как я не растянулась по полу, понятия не имею! Но не это самое пугающее. На трёх окнах, что были в кабинете шефа, задёрнуты гардины, которые здесь висели только ради красоты. То есть вокруг полумрак. На столе стоят несколько маленьких круглых свечек в железных баночках, зажжённых. На полу разбросаны лепестки красных роз.

И от всей этой картины по спине пробегает неприятный холодок, который зарывается в мои распущенные рыжие куд-

ри, как рука мамы в детстве, когда она пыталась их расчесать, а потом терялась резинка, и мы бежали её искать вместе со мной на волосяном поводке. Вот и сейчас аналогичное ощущение!

Но стоит мне повернуться, как Кузьма Семёныч включает сексуальную музыку, стоя ко мне спиной, и начинает покачивать приличным задом, медленно и с расстановкой, из одной стороны в другую.

— Кузьма Семёныч, — пишу я, понимая, что моя слабая психика не выдержит такого. Лучше ещё раз в висок от шефа получить, чем ЭТО!

Но в этот момент Семёныч начинает медленно стягивать с себя пиджак, теперь подёргиваясь всем телом.

Боже, только не это!

— Лиза, — слышу его голос, который звучит, как сильно потрёпанный граммофон деда, — ты запомнишь этот день рождения на всю жизнь!

Мать вашу ети! Если можно, конечно, происходящее так обозначить. Потому что в следующий миг шеф делает резкое движение головой в сторону, прямо закидывая одну щёку себе на плечо. А потом его рука начинает раскручивать пиджак над головой.

— Кузьма Семёныч, может, всё же не надо? — пытаюсь остановить приближение катастрофы.

— Лиза, это всё для тебя! — выдаёт шеф и на кульминации музыкальной композиции отбрасывает пиджак в сторо-

ну и делает резкий выпад вниз.

То ли хруст, то ли вой, а может, и то и другое сразу наполняет кабинет. Шеф замирает на несколько секунд, оперев обе руки в ноги прямо у ступней, а через секунду заваливается вперёд, на лицо, с воем:

— Спина-а-а...

Вот только, судя по звукам и отборному мату, теперь там ещё и нос! И кажется, пора вызывать скорую.

Глава 2

— Лизка, мать твою, только с тобой могло такое произойти, — пытаюсь не очень громко ржать, шепчет мне на ухо Олька. — Кузьма Семёныч, побыстрее поправляйтесь! — это она уже кричит в закрывающуюся дверь скорой помощи, куда несколько минут назад загрузили нашего шефа, да ещё и ручкой машет.

— Оля, блин! — шиплю на подругу, а сама сильнее закутываюсь в лёгкую куртку.

Вроде и весна уже вступает в полную силу, но под деревьями ещё лежат сугробы, да и сырость никто никуда не девал.

— Ну что, Оля? — фыркает она и уже в открытую ржёт, складываясь почти пополам. Примерно так же, как шеф полчаса назад в кабинете. Только вот у Ольки это получается более грациозно. И спину у неё не заклинило.

— Лизок, да ты у нас, оказывается, опасная женщина! — к нам подходит один из охранников.

Благо, хотя бы он не ржёт, как конь. Хотя, судя по широко раскрытому рту, и больше не в улыбке, а в оскале, понимаю, что уже вся фирма знает о моём «подарке». И, кажется, в курилке уже сочиняют балладу: «Как Лиза шефа на тот свет чуть не отправила за плохой стриптиз».

— Шеф тебе такой подарок, а ты ему нос сломала, — до-

бавляет Санька, а Олька снова складывается пополам, оглушая округу смехом.

— Ой, ну вас! — фыркаю на этих двоих и иду в сторону здания.

Ну кто виноват перед Кузьмой Семёнычем, что у него перевес произошёл вперёд и он грохнулся на нос? Нужно же было равновесие держать. Но я даже рада, что не увидела продолжение сего представления, иначе это стало бы моим самым большим позором — когда я побежала бы из кабинета шефа с криками: «Помогите!»

Так, всё, заберу свои цветочки, которые стали невольными свидетелями храброй смерти моих нервных клеток, и поеду домой. Напраздновалась! Эти тридцать лет я точно никогда не забуду.

— Ну, Лиз! — за мной почти сразу побежала Олька, не переставая хохотать. — Ну прости. Но такого же здесь отродясь не было! Да эту историю в легендах будут рассказывать, как шеф поплатился спиной и носом за то, чтобы станцевать для нашей красавицы Лизки стриптиз.

— Дура, — фыркаю я на подругу, но у самой губы растягиваются в улыбке.

— Ага, ты такая же, — довольно заключила Олька и подхватила меня под руку. — И поэтому мы с тобой подруги. Это же такое счастье — найти подружку в жизни, у которой тараканы вместе бухают!

На последних словах Ольки и по тому, как она мечтатель-

но закатила глаза, я уже не смогла сдержаться. Теперь пришла моя очередь хохотать. И в таком виде мы зашли в здание. Чувствую, завтра начнётся паломничество в мой кабинет за подробностями. Но это будет не сегодня, так что я всё же пошла за своим букетиком.

Но стоило мне подъехать к дому, как я заметила свет в зале. Что такое? Я же вроде всё выключала, когда уходила на работу. Домик у меня хоть и частный, но я ухаживаю за ним на совесть. Вполне себе приличный небольшой дом: с белыми кирпичными стенами, клумбами под окнами, даже небольшой сад есть с другой стороны. Да и улица у нас приличная. Все друг друга знают, как и в любом небольшом городке.

Но чтобы я не выключила свет, такого ещё не было! Поднимаюсь на крыльцо и понимаю, что ключа под цветочным горшком нет!

Ну мне, конечно, рассказывали, что после тридцати жизнь начинает играть совершенно новыми красками. Но я не рассчитывала, что это будет так кардинально, и сразу в мой день рождения!

Быстро осматриваюсь по сторонам и замечаю лопату для уборки снега. Хорошо, что не успела её ещё убрать. Даже боюсь представить, как я выгляжу со стороны: под одной рукой букет розовых тюльпанов, в другой руке зажата лопата, волосы распущены и лезут в глаза, на каблуках, в юбке... Великая воительница!

Тихо вхожу в коридор, и в нос бьёт чужой запах. Мужской, тяжёлый, подавляющий и слишком знакомый! Но об этом думать буду позже, а пока аккуратно наступаю чётко в тех местах, где доски не скрипят. И вхожу в зал.

От открывшейся картины и цветы на пол падают, и лопата, и моя челюсть!

Посреди моего дома, спиной ко мне... А нужно отметить, что эта спина просто бугрится мышцами, перетекая в тонкую талию и узкие, подтянутые бёдра. А попа совершенно неожиданно делает такое интересное движение, что мышцы встают по струнке, а над ними ещё сильнее проявляются ямочки на пояснице. Так вот, я отвлеклась и явно поскользнулась, потому что чувствую, как слюна побежала по подбородку и сейчас закапает на пол! У меня в доме голый мужик!

— Если это подарок от Ольки, то я её прибью, — стараюсь говорить грозно, но излишек слюны во рту явно не играет мне на руку.

И тут... ОН... разворачивается. Густая борода, нахальная улыбка, где между зубов проскальзывает язык, стильная стрижка и глаза...

— Ты что, совсем охренел, Коршунов?! — взвизгиваю я, стараясь побороть приступ паники, смешанный с диким желанием. — Тебя кто в дом пустил? Ты голый! Ты зачем вернулся? Вон пошёл!

— Лисичка, я пришёл поздравить тебя с днём рождения, — совершенно спокойно, с лёгкой хрипотцой и раскинув ру-

ки в стороны, отвечает Глеб, а его товарищ, что ниже пояса, бодро кивает на каждое слово, тоже стоя по стойке смирно, как и мышцы на попе!

А я начинаю осматривать свою залу и готова рвать и метать. Всё усыпано жёлтыми, чтоб им пусто было, тюльпанами!

— Ты идиот? — задыхаясь, спрашиваю я.

— Нет, лисичка. Всего лишь принёс подарок, — он делает ко мне шаг. Я, отзеркалив его, протягиваю руку.

— Давай свой подарок, а потом вали, не забыв прихватить с собой эти вестники разлуки! Как-то опоздал с жёлтыми тюльпанами, не находишь? Лет на десять! — злюсь я.

Вот только на кого сильнее, сейчас разбираться не готова! Глеб, боль и отличная прививка на всю жизнь для тех, кто верит, что вокруг летают единороги и какают бабочками! Нихрена! Он ушёл, без каких либо объяснений. Где-то лазил десять лет, а теперь я должна что сделать? Прыгнуть ему на шею от вида его стоящего агрегата, и попросить меня от поздравлять так, как умеет только он?

— Лисичка, других не было, — нахально отвечает Коршун, но что-то в его взгляде меня напрягает. — А подарок твой перед тобой. И начнём мы, пожалуй, с куни. Ты же помнишь, как я умею делать «сибирскую метель»?

Мать моя женщина! Я этот день рождения точно никогда не забуду! Главное, никого не убить и не покалечить. Семёныч — не считается!

Глава 3

Сижу в своей машине в одной жилетке, на голове тело, в ботинках и трусах, в которые не помещается стояк, и смотрю на то, как за высоким забором методично открывается и закрывается дверь в дом Лисички. А всё крыльцо уже усыпано жёлтыми тюльпанами.

Ну что за фурия? Ничего не изменилось, она только красивее стала. И да, подпрыгивающий в трусах член, отличное тому подтверждение. Когда она вошла в дом, я уже был готов сделать для неё всё. Но без разговоров. Только делом.

Я даже цветы припёр и, как дебил, расставлял их по комнате, чтобы успеть к её возвращению. Благо, в этом городке почти ничего не изменилось: люди всё так же оставляют ключи от дома под камушком, на гвоздике или под цветочным горшком, как и Лисичка.

Потёр щеку, по которой досталось больше всего, и довольно усмехнулся. Нет, я не садист. Да и жизнь покруче была, и от души, заставляя принимать такие решения, от которых кровь периодически стынет в венах. Но сейчас...

И как только эта хрупкая, ухоженная леди смогла лопатой замахнуться и не разнести половину дома?

Блин, точно! Нужно будет теперь ещё и лопату купить Лисичке. И если что, я не виноват, чисто рефлексы. Я подста-

вил руку и выхватил у Лисички черенок после того, как пластиковая основа разлетелась пополам. Скрутил её, прижал к себе, а она умудрилась вывернуть руку, да так зарядила пощёчину, что у меня и в ухе звенит, и челюсть болит.

А я, вот точно debil, только лыбился, стоял и смотрел в её горящие глаза. Поднимаю ладонь, которой зарывался в её мягкие волосы, и вдыхаю её запах.

— Говоришь, забыла? Не стоит у тебя на меня больше? И тебе теперь делают такой куни, что я пацаном зелёным кажусь? Лисичка, я же тебя не заставлял — ты сама спровоцировала войну, — усмехаюсь и, бросив взгляд на свои вещи на соседнем сидении, завожу двигатель.

Где она работает, я уже знаю, и даже знаю, что замуж ещё не вышла, а от родных съехала сюда. Домик, конечно, хорош, но для моих планов немного маловат.

Выезжаю на главную дорогу и решаю, в какую сторону ехать. К маме, выслушать очередную порцию слов о том, что все её подружки давно внуков нянчат, а я так и не смог ей подарить хоть одного малыша! Или мотануться в гости к Царёву? У него там молодая супруга, да и встретить друга охота, на свадьбу-то не успел к ним! Хотя куда там успеешь! Он свою Крошку-Танюшку кольцевал так быстро, что все в шоке. Особенно когда он её из избы своей таёжной привёз.

И пока еду сюда, понимаю, что нужно посмотреть, продаётся ли рядом с Лисичкой дом? Я же решил возвращаться. Вот это отличный повод для того, чтобы правильно начать

новую жизнь в родном городке.

Женщина уже есть, пускай пока сопротивляется. Но её злость и ненависть только убеждают меня, что ещё можно всё вернуть. Так что остался дом, сын и дерево.

Подъезжаю к дому друга как раз вовремя: он выходит к машине со страшно довольной рожей, покачивая головой в разные стороны, и достаёт пакеты из багажника. Останавливаюсь как раз напротив и замечаю, как Царёв склонил чуть голову вбок, чтобы увидеть из-за тачки, кто приехал. Резко хмурится, но через секунду его морду уже озаряет довольная улыбка.

Он идёт в мою сторону. Ну а что я? И я выхожу. Миха не доходит до меня нескольких шагов, когда я становлюсь в полный рост у открытой двери.

— Едрить твою кочерыжку! Коршун, тебя ограбили? — Царёв осматривает меня с ног до головы, смотрит в глаза и, сука, начинает ржать на всю округу! — А я-то думал, на кой хрен тебе сдалась Лисичка? Так вот для чего ты всё выпытывал о ней? Ну как? Встретил?

И не понимаетеся! Ржёт, зараза!

— А что это за такие витиеватые маты, Царёв? — задаю встречный вопрос и складываю руки на груди.

— А у меня жена беременна, — довольно отвечает он. — И Крошка уверена, что ребёночек всё слышит. Но я тебя в дом в таком виде не пушу, хотя и рад видеть!

Его рожа довольная, но взгляд становится серьёзный.

— А что так? Боишься, что твоя Танюша поймёт, что не того выбрала? — подкалываю друга.

— Боюсь, что от нас ты уйдёшь по частям, Коршун, — довольно отвечает Царёв. — У Танюши перепады настроения, и её бита всегда рядом с ней. А если она её не находит, в ход идёт всё. А ещё в данный момент она уверена, что любой мужик — это только производитель, который не ценит жертву женщин, и, цитирую: «Поотрезать бы вам всем эти органы движения!» Намёк уловил?

— Да что за бабы здесь пошли? Надышались чего-то?

— Наши бабы, Коршун, — счастливо заключает Царёв. — Тебя когда в последний раз со стояком наперевес из дома гнали?

Смотрю на Царёва, который подходит и кладёт руку мне на плечо. Улыбаясь, сначала в глаза заглядывает, а потом переводит взгляд на лес, что начинается в конце его улицы.

— Ты тоже под чем-то? — с опаской спрашиваю у друга — вот так и хочется подумать по его довольной роже.

— Ну, судя по твоему виду, тебе тоже этого чего-то досталось, — хохотнул он. — Весна же, птиц, наш перелётный! Ты насовсем или только клюв помочить?

— Клюв помочить не дали, — вздыхаю я, а Царёв опять ржёт и, похлопав меня по плечу, идёт к своей машине.

— Одевайся и заходи, а я понёс продукты в дом. У меня там полная ревизия воняющих продуктов, — и снова эта довольная рожа Царёва, когда он подхватывает пакеты из ба-

гажника.

Ну что за женщины в наших селеньях? То Царей превращают в холопов, то Коршунов в мороз ощипанных отправляют? Ой, мать твою, Глеб, ты в романтику ударился? Рано! Сначала решаем вопрос с домом, а потом идём в атаку на Лисичку. Завтра! А пока...

Глава 4

Его губы медленно опускаются по телу, обжигая вибрирующую кожу поцелуями. Дыхание сбивается, а пальцы сами уже зарываются ему в волосы, пробегаясь ноготками по коже головы. А вот его борода только добавляет пикантности и, на удивление, мягкая.

Я чувствую приятную тяжесть на теле от того, как он прижимает меня к прохладным простыням. А его пальцы невероятно нежно гладят грудь, живот, руки, медленно спускаются к ногам.

Он садится у меня между широко разведённых ног и смотрит так, что я уже готова кончить до боли в животе: пульсирующей, опасной, обжигающей. Я хочу почувствовать его в себе, хочу ощутить наполненность, по которой соскучилась, но он будто специально издевается надо мной.

Лёгкая улыбка появляется на его губах, а я плавлюсь под его взглядом. Сама накрываю руками свою грудь и пропускаю соски между пальцами, чуть сильнее сжимая их и оттягивая.

Он рычит, как раненый зверь, а потом берёт меня за лодыжки и начинает плавно поднимать мои ноги вверх, по очереди укладывая каждую себе на плечи и покрывая её поцелуями-укусами.

— Пожалуйста! Я больше не могу! — вою я, понимая, что меня выгибает на мостик от каждого его прикосновения.

Я замечаю коварную улыбку на его губах, и тут он делает то, от чего сердце замирает в агонии: он берёт мою ступню, и, поцеловав сверху, опускает к пальцам и засасывает большой. А из меня вырывается крик...

— Мамочки! — взвизгиваю я и открываю глаза, понимая, что моё сердце и правда сейчас выскочит из груди, а тело всё мокрое, липкое и...

— Скотина такая! Да как посмел? Кто вообще позволил врываться в мои сны?!

Хочется рвать и метать. И вообще... Мне нужен душ. Срочно! Мне нужно успокоиться, а ещё... Я даже забыла, когда последний раз так сильно нуждалась в сексе.

Говорила мне мой гинеколог:

— Лиза, тебе мужик нужен, даже если не для жизни, хотя бы для организма. Вот есть же услуга «муж на час»? Найди и ты себе такого.

И с такой уверенностью она мне это всё заявляла, что мне даже смешно стало. Если бы это было так легко... Да и что-то она слишком хорошего мнения о мужиках. Какой час? Максимум пятнадцать минут. А если с прелюдией, то я только разогрелась, а он уже кончил! Да ну их!

Включаю холодный душ и, повизгивая, залезаю под струи. Мне нужно остыть. Только главное — не заболеть. И вообще...

Но стоит мне прикрыть глаза, как перед ними снова всплывает образ Коршунова. И вот я могу с чистой совестью сказать, что это он виноват во всём! Что я так и не вышла замуж. Не смогла найти нормального мужика. Постоянно выслушиваю претензии от родни, что все уже с внуками, а я неблагодарная. Да от кого только рожать?

А перед глазами всё его шальная улыбка, вот только он не императрица, а я так... просто бывшая.

И нужно же было ему ещё и потереться об меня своим... достоинством, зараза такая! Я теперь могу это место помечать крестиком на теле!

Мысли скачут, как сумасшедшие, потому что из «агрегата» Коршуна они сразу перескакивают на разбитую лопату. И её жалко. И здесь он тоже виноват!

— Так, хватит страдать, Лиза! Душ приняла, кофе выпила и пошла на работу! У тебя сегодня ещё намечается день паломников, — проговорила я своему отражению и сразу почувствовала, как возбуждение спало. — Хм, нужно было сразу вспомнить моего шефа.

Но стоило мне явиться на работу, как меня ждал сюрприз в виде двух мордovorотов, которые часто захаживали к Кузьме Семёнычу. Вот только теперь они стоят перед моим кабинетом, и, судя по их лицам, хорошего меня ничего не ждёт!

— Вы ко мне? — не здороваясь, сразу спрашиваю я и пытаюсь вспомнить, сидел ли охранник на входе.

— К тебе, рыжая, — отвечает тот, что пониже ростом и

чуть более симпатичнее. У него хотя бы нет шрама через всю щёку, как у второго — лысого. — Шевели своей тощей задницей, базар будет серьёзный!

Мне только братков не хватало для полного счастья!

— А я какое отношение имею к вашим делам? — задаю вопрос и не решаюсь подойти ближе.

Хамло и быдло — это встроенная функция у мужиков. Вот только в нормальном обществе они становятся нормальными, когда в них вшивается антивирус в виде мамы, жены и детей. А в некоторых остаётся вот ЭТО.

— Кузька сказал, что ты его баба, — нагло хмыкнул говорящий и демонстративно поправил ширинку.

Я же, как приличная женщина, проследила за его движением и тяжело вздохнула от разочарования. Интересно, а что он там поправлял? Может, яичко прилипло к ноге или шкурка? Так как, кроме вставшей ткани джинсов под уже появившимся трудовым мозолем, я ничего не увидела. Ну тут мне дошли слова этого мордоворота и я чуть не задохнулась от возмущения!

— Очень интересное замечание от Кузьмы Семёныча, но я ему никто. А он мне просто работодатель, — пытаюсь говорить ровно.

Но, вероятно, этого самого говорящего с плохими штанами не устраивает мой ответ. И он, сделав один шаг, пытается меня схватить за волосы, а попадает пальцем в ухо!

Глава 5

— Вы совсем ополоумели? — кричу я и прикрываю ухо, отскакиваю от этих двоих представителей не самой приятной части нашего городка.

Не знаю, что на них больше действует: мой крик или шок от того, что самцовые замашки одного из них сломались о моё ухо, но мордovorоты тоже замирают.

— Товар наш где, рыжая? Когда фуры приедут? — вот теперь подаёт голос второй мордovorот — тот, что со шрамом.

И от его тона мне становится не по себе, а по спине и прямо до самой попы устремляется парад мурашек с раскинутыми транспарантами «помогите»! Но интересно: а если я ему в рифму отвечу, где их товар, мне и во второе ухо прилетит?

— Граждане, — мой мозг в данной ситуации подбирает самое оптимальное обращение к этим двоим, — все фуры идут по своему маршруту. У каждой есть путевой лист, и они скоро...

— Ты чего нам мозги пудришь, рыжая? — второй мордovorот, тот, что со шрамом, делает ко мне быстрый шаг, нависая скалой надо мной. И по его взгляду видно, что если я ещё слово скажу, которое ему не понравится, будет совсем больно и не красиво.

А ещё от него немного пахнет. Вот самую малость, очень неприятно. Но такое ощущение, будто он после спортзала,

сразу же вылил на себя флакон дедового одеколона, и ещё и в курилке постоял.

— Ты баба Кузьки, значит, тебе и отвечать за простой, — поддакивает второй. — А время — деньги. И будешь ты отрабатывать их...

Я кто? Баба Кузьки?! Это что ещё за замужество без моего ведома?

— Значит, так, мальчики! — вот я всегда стараюсь быть приличной. Даже юбки ношу, но когда какие-то... вот такие представители, например, открывают свой рот и начинают угрожать, срабатывает рефлекс.

Но сейчас главное то, что этот мой тон возымел действие. Оба замерли. А у того, что со шрамом, даже глаза открылись, широко-широко, и оба! Дедушка всегда говорит мне, что я слишком много в детстве общалась с мальчиками, и это сыграло со мной злую шутку. Девчушка выросла красивая, а характер, как у командира полка.

— Я своя баба, если уж говорить вашим языком. Кузьма Семёныч — только мой работодатель, и, судя по последним событиям, ненадолго, — последнее добавляю уже злясь не на шутку. — Какие у вас дела с Семёнычем, я понятия не имею, но у нас за последние два месяца нет ни одной задержки. А если у вас лично есть вопросы, то милости прошу к его шалашу, то есть в больницу. И покиньте помещение!

Я даже руку вскидываю в нужном направлении, а эти два мужика стоят и смотрят на меня так, будто я им только гимн

на китайском пропела. Луп-луп глазёнками, а действий никаких.

А потом происходит невероятное, точнее, ожидаемое, но всё же... Тот, что со шрамом, очень быстро покрывается красными пятнами — начиная с открытой шеи и заканчивая кончиками немного странных ушей. И уже даже руку заносит.

Я слышу, как за спиной резко хлопает дверь какого-то кабинета, но не оборачиваюсь. Просто замираю на месте, теперь уже я как пришибленная. И судя по всему, скоро так и случится. Зашибут, блин!

— Ну что же ты, рыжая, так некрасиво выражаешься? — уже тише, но с улыбкой произносит тот, кто первый заговорил со мной, одновременно кладя свою руку на плечо тому, что со шрамом. — Видишь, серьёзные люди пришли. Могла бы и чай предложить, или кофе.

— Чая нет, а кофе не пью, — отвечаю на автомате, но всё равно не свожу взгляд с этого бычары, который стоит красный, как помидор.

— А ты знаешь, почему бабы становятся язвами, рыжая? — ещё один вопрос от первого мордovorота.

Вот только он мне совсем не нравится. Да и тон его ничего хорошего мне не обещает. Но когда вопящий об опасности мозг мог остановить мой рот?

— Вероятно, когда рядом у мужиков отпадают яйца, — и я не спрашиваю сейчас.

И снова наблюдаю шок на лицах этих типов. А вот сама всё больше уверяюсь в своих словах. У нас же здесь половина коллектива мужики. Где они сейчас? Где охрана, которая должна была проверить и не пускать сюда никого? Где все?

— Ты хоть понимаешь, курица, на кого рот открываешь? — а это уже спрашивает тот, что со шрамом.

— Вам пора! — твёрдо произношу я. — Если у вас есть какие-то документы, по которым я могу отследить ваш товар, то оставляйте и уходите. Как только Кузьма Семёныч выйдет из больницы, он сразу же с вами свяжется.

— Кузька из больницы выйдет теперь не скоро, — по-идиотски хохотнул мужик со шрамом. — Так что готовь все свои дырки. У тебя трое суток. Товар наш не придет — будешь отрабатывать сама.

И они оба разворачиваются и уходят. Молча. Больше никто ничего не говорит. А я стою и пытаюсь сообразить, чего мне хочется больше: поехать и добить нашего шефа или бежать писать заявление на расчёт, пока меня не сделали ответственной за всё, что происходит в этом цирке?

Глава 6

— Сынок, ну как так можно? — мама смотрит вперёд на дорогу, пока я везу её на приём в поликлинику, и обиженно поджимает губы. — Вот для чего тебе такая большая машина? Кого ты в ней возить будешь?

— Тебя везу, мам, — спокойно отвечаю я и сворачиваю на светофоре.

— А я с тобой жить не собираюсь! — фыркает мама и отворачивается в другую сторону. — Я внуков хочу. Хочу малышей, которые будут приходить ко мне в гости и есть пироги. А ты...

Как-то я отвык от таких разговоров с мамой. И самое паршивое, что в данной ситуации я не могу отключиться и сослаться на занятость. Приходится слушать и кивать. Мама — это женщина, которой я благодарен за многое. И в первую очередь за жизнь. Но сейчас...

— Мам, а если бы я привёз какую-то непонятную особь, которая начала бы выносить мозг не только мне, но и тебе? Что бы тогда ты делала? — спрашиваю я, а память услужливо подкидывает момент, как мужики, с которыми я работал столько лет, выли от своих современных правильных жён.

— А зачем мне твоя жена? Мне внуки нужны, Глеб! — строго замечает мама.

— Я не нашёл ту, с кем готов прожить всю жизнь, — отвечаю маме ровно и мысленно радуюсь тому, что мы заезжаем на парковку.

Вот на работе всё намного проще. Ты знаешь, кого послать, кому не отвечать, а кого припугнуть. Здесь же... Вероятно, единственное место, где не работает ничего из того, что я перечислил.

— Давай я тебя провожу на приём, — глушу двигатель и разворачиваюсь к маме.

А натыкаюсь на её грустный взгляд. И я даже понимаю, в чём причина. Мама слишком долго одна. И не знает, куда девать свою любовь. Когда я объявил ей неделю назад, что приезжаю, она наготовила на роту солдат. А сейчас, спустя несколько дней, эйфория отошла, и теперь мама хочет того, что я ей не могу дать.

— Глеб, сынок, я же не молодею, — вздыхает она так грустно, будто собралась умирать. И этот приём я тоже знаю. — Мы не можем знать, что с нами будет завтра. А если я не проснусь? И знаешь, даже если тебе всё равно, то я очень хочу увидеть твоё продолжение.

Набираю в грудь побольше воздуха и тут боковым зрением замечаю, как из центрального входа вылетает рыжий вихрь. В руках — то ли апельсин, то ли мандарин. Но по тому, как капает сок из него, понимаю, что Лисичка не просто спешит. Она явно кого-то хочет убить.

И что она делала в больнице? Какого чёрта, спрашивается,

она забыла здесь? Да ещё в таком состоянии!

Я даже на мгновение забываю о том, что происходит вокруг: о маминой философии и мироздании. Мозг вопит, чтобы я встал и пошёл за ней, но вот профессиональная часть сидит ровно и следит за тем, куда это чудо идёт.

— ...И я надеюсь, ты меня поймёшь, когда у самого будут дети. А провожать не нужно. Я сама дойду, — последнее добавляет мама и выходит из машины.

Я же тоже выхожу следом и, сказав маме, что прогуляюсь пешком по родному городу, пока она будет на приёме, и чтобы она позвонила, как закончит, иду в сторону, где только что за домом скрылась Лисичка.

Что там вчера сказал Царёв? Она работает в Кузькиной фирме. И да, я её пробил сразу же. Напрягает она меня, да и сам Кузя ещё тот чёрт, который слишком хитрожоп и скользкий. Не люблю таких мужиков. Хотя за свою жизнь видел и похуже. Но мне совершенно точно не нравится, что Лисичка работает с ним!

Что там мама хочет? Внуков? Ну так я уже нашёл ту, которая родит самых лучших и красивых детей. И даже если она ещё не согласна со мной, я найду способ уговорить Лизу.

Лиза. Мысленно перекаत्याю её имя, и молния бьёт по нервным окончаниям. Я столько лет запрещал себе думать о ней, вспоминать. Хотя сначала следил и знаю всё, что с ней происходило. В какой-то момент понял, что превращаюсь в того самого маньяка, который не может отпустить прошлое.

Я сам ушёл. Так было нужно и безопасно для всех. Но сейчас, когда вместо того, чтобы самому работать на дядю, все хотят работать на меня, я понимаю, что когда-то потерял то, что и заставляло меня идти каждый день вперёд.

— Коршун, ты же мог жениться на любой. Мог уже несколько раз стать отцом. Да ты в таких кругах крутился, что многим даже и не снилось. Но ты снова вернулся сюда. В нашу глушь. И снова ищешь внимания той, которую бросил без объяснения, — слова Царёва слишком ярко всплывают в голове. И каждое из них бьёт по нервам.

Но он тот, кому я и объяснять ничего не должен. Он знает всю мою тёмную сторону от начала и до конца. Царёв как раз и стал тем, кто спас меня, заставив уехать.

Выхожу на широкую улицу и замечаю, как Лиза входит в небольшое кафе. Осматриваюсь вокруг и замечаю небольшой цветочный магазин. Вхожу в него, и первое, что вижу, — шикарную корзину с жёлтыми тюльпанами и мимозой.

Жёлтые... шикарные... Не знаю почему, но только в этих цветах я видел всегда Лисичку. Она как солнце была для меня. Только вот я не мог контролировать всё, что горело во мне от каждого её взгляда. И эта опасная зависимость стала причиной многого, что и произошло дальше.

Подхожу к кафе и сразу же замечаю её в окне. Я даже не могу представить, как выгляжу сейчас со стороны, кого напоминаю. Бородатый мужик, который стоит у окна кафе и пускает слюни на посетительницу.

Лисичке приносят какой-то тортик с белым кремом и чашку кофе. Она берёт ложечку и, отломив маленький кусочек, кладёт в рот, прикрывая глаза. А я готов кончить от её вида. Чёрт, старею! И всему виной эта женщина, которая так и не исчезла из моей головы. Так что, раз ты, Лисичка, клеймом запечатлена у меня в сердце, быть тебе матерью наших детей.

Толкаю дверь кафе и быстрым шагом иду к её столику. Но стоит мне присесть рядом, как в меня впиваются два омута глаз Лисички.

— Коршунов, ты портишь мне аппетит, — Лиза сидит за столиком в кафе, вся такая яркая, воздушная и... моя! А её запах — это отдельное наслаждение.

Что я там говорил Царёву о воздухе? Надышался? Вот да! Это сейчас и ко мне относится. А может, я вспомнил, что в нашем мире есть ещё не только игра на публику, а и что-то настоящее.

— Ну что ты, Лисичка моя, — скалюсь и ставлю на стол корзину с цветами. — Я пришёл предложить свои услуги.

Лиза испепеляет меня взглядом, а в её тоненьких пальчиках дрожит ложка, которой она очень красиво ела десерт. Впрочем, всё идёт, как нужно.

— Я знаю все твои способности, Глеб. Ни одна не интересуется, — гордо отбрасывает меня эта лисица, от чего я чувствую, как жар пробивает всё, что ниже пояса.

— Зря. Тебе нужно снять напряжение. Слишком нервная Лисичка. А кто, как не я, может тебе в этом помочь? — и специально провожу языком по губам. — А то бедный апельсин пострадал уже. Неизвестно, кто будет следующим.

— Ты за мной следишь? — шипит Лиза, сощуриваясь.

— Нет, — улыбаюсь ей и чуть склоняюсь вперёд, чтобы вдохнуть её запах. — Я просто хочу, чтобы ты приняла мой подарок, Лисичка.

И я знаю, что эта Лисичка точно понимает, что с ней может быть: её ножки быстро прижимаются друг к другу, а щёчки заливают предательский румянец!

Глава 7

Почему я до сих пор работаю с Кузьмой Семёнычем? Да потому что он, по крайней мере, казался мне вполне адекватным человеком. А что по итогу?

— Лизонька, ты что хочешь от меня сейчас услышать? — он смотрит на меня так, будто я и правда его жена, которая не понимает элементарно: ну не встаёт у него!

Семёныч сидит на больничной койке, и вместо ожидаемого сломанного носа и болезненной спины у него теперь ещё и рука в гипсе.

— Я хочу понять, уважаемый Кузьма Семёныч, каким боком я стала вашей женщиной и что это за два представителя тёмной стороны нашего любимого города были сегодня у нас в фирме, предъявляя мне претензии и угрожая? — задаю вопрос уже по-другому.

Здоровьем я поинтересовалась. Даже мандаринов принесла. Стояла, выбирала их в овощной лавке и примеряла каждый в руке. Желание устроить игру в выбивного прямо полыхает в груди.

— Лиза, а что ты хотела? — ещё один вопрос от Семёныча, вот только его тон мне совершенно не нравится сейчас. — Ты сколько лет работаешь у меня? Я тебя хоть раз обидел? Даже зарплату платил больше, чем другим.

— На тысячу рублей? — в полном остолебенении уточняю я. А вот то, как фыркает сейчас Семёныч, мне совершенно не нравится.

Какое-то неприятное чувство поднимается в груди!

— Зато вся твоя зарплата проходила по белому. И радуйся, что я за тебя платил все отчисления, — выдаёт Семёныч и поднимается с койки, поправляя домашние штаны с оттопыренными коленками, которые сползли с живота. — И ты должна быть мне благодарна, Лиза. А ты ещё и нос свой воротишь! Так что теперь, пока меня не выпишут, будешь отрабатывать мою щедрость.

Нужно было брать грейпфруты, а не мандарины. Жаль только, что хорошая мысль приходит опосля.

— И да, ну что за воспитание, — тяжело вздыхает Семёныч и подходит ко мне почти вплотную. Немного расставляет ноги, вероятно, чтобы снова не потерять равновесие. Склоняется ко мне и проводит влажными, потными пальцами по щеке, пытаясь заправить прядь за ухо.

— Я ждал тебя с бульончиком. И почему ты не интересуешься, как я себя чувствую? Я здесь оказался по тво... — завыл Семёныч, так и не договорив, а голова начала опускаться всё ниже и ниже.

Оказывается, это такое удовольствие видеть, как в глазах недалёковидного сорокалетнего подростка растекается осознание, что папой ему больше не быть.

— Слушай сюда, Семёныч, — теперь уже я начинаю мед-

ленно склоняться над его головой, чтобы не терять ту связь во взгляде, которая сейчас так и искрит напряжением Семёныча. — Я с тобой работала и получала свою зарплату за то, что работала за пятерых. Даже когда я выходила и разбиралась с твоими водителями, которые косячили при каждой перевозке, ты мне всё так же доплачивал только тысячу.

— Су-у-у-ука-а-а! — шипит он и брызжет слюной во все стороны, опускаясь на колени передо мной.

И та самая милая и ласковая девочка, что живёт внутри меня, уже бьётся в истерике, понимая, что может ждать меня в ближайшее время. Особенно если учесть, что гнильца в Семёныче была всегда. Просто когда она не касалась меня, я старалась не замечать этого.

— Семёныч, ты же прекрасно понимал, куда лезешь. Так что не нужно называть моё истинное имя, я не стану твоей слугой после этого, — хмыкаю я, вспоминая один старый сериал, где ведьмы выпытывали у демонов их имена, чтобы приказывать им.

— Да кому ты н-н-нужна? — заикаясь от боли, снова спрашивает Семёныч. — Я с тобой та-а-кое могу с-сделать...

— Не возбуждает, — тяжело вздыхаю и встаю со стула, на котором всё это время сидела. — Мне здесь уже предложили готовить все свои дырки.

Замечаю слёзинки на щеках у Семёныча и... нет, мне не жаль его. Вот, кстати, один из плюсов моего прекрасного возраста: я совершенно перестала жалеть тех, кто по природе

должен быть сильнее и защищать, а не прятаться за юбками.

— Я увольняюсь, Кузьма Семёныч, — говорю и беру одну мандаринку из пакета. — И предлагаю тебе самому готовить свои дырки.

— Ты думаешь, просто так сможешь уйти? — хрипит он севшим голосом и, смотрю, даже пытается подняться на ноги.

Вероятно, часто получал по яйцам, если так быстро смог прийти в себя. Но это не утешает сейчас.

— Товар пропал, — скалится Семёныч. — И с братками придётся рассчитывать. Так что нужно было соглашаться на меня, Лисицына.

— А ты стриптизёр недоделанный! — рычу я и, сжав мандарин со всей силы, бросаю в Семёныча.

Глава 8

Это что за издевательство такое? Почему так сложно становится быть независимой, красивой и самодостаточной женщиной без всех этих незатейливых приключений?

Злость кипит в груди с такой силой, что даже любимый тортик не в силах поднять мне настроение. Хотя вру. На несколько секунд мне стало вкусно и приятно от того, как нежный крем растаял на языке.

Но сейчас я смотрю на довольную рожу Коршунова, на корзину чёртовых жёлтых цветов и... пытаюсь убедить себя, что кто-то вырастает и становится умным, а к кому-то приходит только возраст — без ума.

— Глеб, ты кто вообще? — задаю логичный вопрос, но не для себя, а для спасения жизни утопающего. В данном случае — это Коршунов.

Но, судя по тому, как у него растягиваются губы в довольной улыбке и сколько шалости в его глазах, понимаю, что не доходит мужику, что не нужно было вообще со мной разговаривать.

Я ещё после ночных снов не остыла, а тут он... Со своим подарком, зараза! И даже если тело моё, как верная собачонка, чувствует запах Коршуна и готово на спинку упасть, то память, как противная старуха, быстро подсовывает мне моменты жизни, когда я рыдала ночами, слушала упрёки мамы,

что сама виновата, и то, как ломала себя, учась жить без него.

— Лисичка, что ты хочешь услышать? Скажи, и я тебе отвечу, — неожиданно отвечает Глеб и всё так же не отводит взгляд.

Смотрит так, будто и не было всех этих лет, а он вышел... Ну куда там обычно выходят мужья? Вот только Глеб мне не был мужем.

— Глеб, я устала, — выдыхаю я и сдуваюсь, как шарик. — И ты мне правда портишь аппетит. Цветы можешь оставить — я их добавлю к гербарии дома, а сам бери свою прекрасную задницу и уноси её отсюда.

Почему-то именно в этот момент я осознала, что моя злость, угрозы, предупреждения не сработают на этого бронированного мужчину.

— Эй, Лисичка, — Глеб так тихо, с лёгкой хрипотцой позвал меня и склонился почти к самому лицу, аккуратно поддел подбородок и приподнял лицо, заглядывая в глаза, что я затаила дыхание в ожидании чего-то... родного.

Я жду, что он сейчас что-то скажет, что начнёт снова паясничать или кидать свои излюбленные пошлые шуточки, но Коршунов молчит. Только его молчание намного громче сейчас, чем любые слова. Его глаза затягивают, и я тону. Сама тону. Никто меня не тащит в этот омут, где черти стали только матёрее с возрастом.

А его шаловливый палец, который, еле касаясь моей щеки, поглаживает и запускает волны дрожи по всему телу, во-

обще запрещённый приём! Особенно сейчас, когда я и так на пределе: злая, растерянная, шокированная новыми открытиями и полностью разочарована в людях.

С одной стороны, хочется оттолкнуть этого упёртого барана и от души врезать. И я даже представляю эту картину мысленно, наслаждаясь тем, как краснеет уже его другая сторона. Но...

— Давай, перед тем как ты всё же врежешь мне снова, — хмыкает Глеб, снова превращаясь из серьёзного бородатого мужика в шаловливого — всё так же бородатого, только подростка, — послушаешь, что я тебе скажу. Ну или для начала просто спрошу. И ты клятвенно обещаешь сказать мне правду и ничего кроме правды.

— Коршунов, ты не судья и не батюшка, чтобы я перед тобой исповедалась, — фыркаю и уже хочу оттолкнуть его, но Глеб накрывает мои руки, не давая отодвинуться от него.

— Лисичка, скажу тебе по секрету: я хуже, чем все вышеперечисленные, — и вот вроде он улыбается сейчас, и снова мелькает его шаловливый язык между зубов, но глаза становятся предельно серьёзными, да так, что у меня холодок пробегает по спине.

— Не называй меня так, Глеб, — шепчу ему хоть что-то, потому что мозг прямо вопит сейчас об опасности.

Интуиция вообще бьётся в истерике, быстро подкидывая мне логические заключения, в которых не хватает информации лет так за десять! И самое паршивое, что когда напро-

тив меня стояла парочка братков и тыкала мне в уши своими пальцами-сардельками, я так не боялась, как сейчас.

— Предлагаю тебе сделку, Лисичка. Три дня дай мне, — совершенно спокойно продолжает он, полностью игнорируя мою просьбу. — И если я не решу твои проблемы за эти дни, то ты можешь не идти со мной на свидание.

И он берёт мою ложечку, отламывает кусочек десерта и подносит к моему рту. Может, ткнуть ему в глаз, чтобы он не смотрел на меня так? Но я же взрослая девочка и в общественном месте, так что разговариваем ртом, Лиза!

— Ну, во-первых, кто тебе сказал, что мне нужна помощь и что я пойду с тобой куда-то? — стараясь говорить чётко, но сама уже слышу, что злость, которая так и не успела улечься, снова поднимается. — И во-вторых: как же вы задолбали с этими тремя днями!

Отбиваю руку Коршунова, которая так и застыла с ложечкой у рта, но этот непробиваемый пернатый птиц перехватывает мою руку второй, дёргает на себя и закрывает мне рот горячим, жадным поцелуем.

Глава 9

Жизнь до того странная штука, что когда ты соглашаешься уже плыть по её течению, она резко меняет своё направление. После того как моя жизнь уже несколько раз делала поворот на сто восемьдесят градусов, я с упрямством педанта расставлял всё снова по своим местам. Но то, что происходит сейчас со мной, отдельный вид наслаждения.

И вот я смотрю на файлы, которые скинули мне мои спецы, и тихо обалдеваю. Хотя этот выбор я сделал осознанно. Возможно, даже из-за белой зависти к другу. Я смотрел на Царёва, который ради своей женщины выбрался из нашей глуши, чтобы разобраться с проблемами. Вот только я не ожидал, что на моей малой родине развернутся такие страсти с нежной, горячей и такой желанной Лисичкой!

А вкус её губ до сих пор гуляет на губах сладкими нотками. И её тихий стон отдаётся эхом в голове. Наверное, слишком часто я по ней получал, раз уже слышу голоса. Вот только этот голосок я готов слышать каждый день, и не только со стонами.

Но сначала решаем вопрос с баранами! Беру телефон и набираю Царёва.

— Чего тебе? — вместо приветствия слышу вопрос от друга. Дышит тяжело, будто бежал или...

— А чем ты занят? — спрашиваю с издёвкой я.

— Трахаюсь, чёрт возьми! — пыхтит Царёв, а следом идёт ещё один набор народного языка.

— Помочь? — задаю логичный вопрос, но уже поднимаюсь с кресла и беру ключи от машины.

— На лесопилку приезжай, — отвечает Царёв и отключается.

Через полчаса торможу у огромного крытого ангара, где пахнет свежей древесиной, смолой и тяжёлой работой. Когда-то это место стало спасением для меня лично. Именно здесь мы с Царёвыми учились быть мужиками.

Только благодаря отцу Царёвых, да и дружбе с Михой, я не скатился туда, где сегодня обитают многие из нашего класса. А некоторые уже и не живут вовсе.

Из ангара доносится отборный мат, приглашая в гости на кружку работы до седьмого пота. Прохожу внутрь и смотрю на взмыленных Царёвых. Володька, старший брат Михи, и, собственно, сам Мишка нависли над мотором дисковой пилорамы, в одних футболках, чумазые. Ну, в общем, ничего не изменилось!

— Помощь нужна? — громко кричу я, не останавливаясь.

Царёвы оба поднимают голову на меня и одновременно улыбаются, вытирая руки о рабочие штаны.

— Да ты глянь, кто пожаловал! Коршун! — довольно присвистывает Володька и первый протягивает мне руку. — Птиц, ты заблудился?

— Не, — отвечает за меня Миха. — Он теперь с нами жить будет. Малая родина зовёт, — и тоже протягивает мне руку.

— Нет! Я не согласен! Пусть едет в свой город. Что это он будет здесь делать? Неженатый. Детей нет! Девочек наших соблазнять? — и столько возмущения в голосе Володьки, что мы с Михой не выдерживаем и ржём во всю.

— Да ладно, — хохочу я и стягиваю куртку. — Я только немного подразнуюсь, и всё. Мне чужого не надо.

Миха прыскает ещё громче, а Володька не унимается:

— Миха, я бы его в гости не приглашал! Танюшка у тебя дама характерная, так что...

— Я тебе сейчас мотор на ногу уроню, братец! — резко становится серьёзным Миха. — И тогда посмотрим, кто из наших жён серьёзнее.

— Ну ты посмотри на этого качка! Как с ним работать можно? И вообще, у нас зарплата маленькая! — быстро добавляет Володька.

— Брешет, — ржёт Миха снова.

— Да знаю я, — поддерживаю друга. — И, Володь, я тебя, как старшего брата, хочу заверить: мне ваши жёны не нужны. Я свою хочу.

— Лисичка! — присвистывают оба.

И если Миха смотрит на меня с пониманием и поддержкой, то Володька отрицательно качает головой. Они оба знают мою историю. Оба помнят, что было, когда я поплатился

горячей башкой за свои поступки!

— А ты уверен, что выживешь? Ты её обидел, Коршун. Сам слинял. А девочка она видная...

— Я сейчас Настеньке позвоню и расскажу, что ты здесь на других заглядываешься, — перебиваю Володьку, и снова ангар наполняет дикий хохот Михи, потому что выражение лица Володьки можно сравнить с шоком и диким испугом одновременно.

Присаживаюсь возле ящика с инструментами и осматриваю начинку. Замечаю разводной ключ и, взяв его в руку, довольно скалюсь, взвешивая.

— Так за чем приехал, Глеб? — Миха присаживается рядом и внимательно смотрит на меня.

— Да мне здесь птички мои нашептали много интересной информации по фирме Кузьки Трутнева. И мне бы понять, насколько глубоко мне ещё копать нужно, чтобы всё дерьмо всплыло. Или, может, вы мне поможете? — поднимаю взгляд по очереди на Миху и Володьку.

— Я так понимаю, сплетни правдивые пришли? — первым хмурится Володька.

Мы с Михой вопросительно уставились на него. Хотя что-то мне подсказывает, что следующая информация ой как не понравится мне!

— Недавно же у Лисички было день рождения. И Кузька решил её закадрить окончательно. Устроил ей стриптиз, но попал в больничку. Вот только после этого он всем растре-

звонил, что она его баба и теперь все проблемы должны решаться через неё. А проблемы явно есть, так как в больничку он попал со спиной, а потом, чисто случайно, на следующий день у него оказалась сломана рука, — и всё это Володька выдаёт, хмурясь и потирая подбородок.

— Вот же чёрт! — не договариваю я. Хотя теперь могу объяснить себе вчерашнее состояние Лисички. — И значит, с Кирсановскими братками он работает.

— Зачем спрашивать, когда и сам уже знаешь, — хмыкает Миха и достаёт монтировку из ящика. — Нужно мотор сегодня починить. Что-то мне подсказывает, что завтра он нам пригодится.

Довольно скалюсь на слова друга и закатываю рукава на кофте. Чинить, так чинить. Сначала мотор починим, потом братков, а потом и Лисичку пойду завоёвывать. Что мне стоит дом построить!

Глава 10

Голова тяжёлая, так как весь прошедший день и полночи пришлось перебирать все договоры, акты и маршрутные листы, которые смогла найти за прошедший год, чтобы понять, чего же от меня будут хотеть. Но так ничего и не нашла. Это просто какое-то издевательство над моей рыжей головой, которая начинает закипать.

И да, я прекрасно знаю, что это за братки. Добрый охранник, дядя Коля, любезно объяснил мне, кто это такие и чьи они будут. Да и нужно быть медведем, чтобы не знать, кто такой Кирсан и что он умудрился устроить зимой. Идиот, что с него взять.

— Вот же кот облезлый, — сонно возмущаюсь я и иду открывать дверь, в которую тарабанят с такой настойчивостью, будто случился пожар.

Бросаю взгляд в зеркало, что висит в коридоре, и даже радуюсь тому, что у меня гнездо из волос на голове, а глаза красные. Старая пижама с милыми енотами только добавляет моему образу изюминки, что совершенно точно не выглядит возбуждающе.

Вот, кстати, ещё один минус взросления. Попробуй лечь спать на полчаса позже положенного времени, и ты превратишься в особь лет на двадцать старше своего возраста по

паспорту. А ведь раньше я могла не спать ночами и утром бодрой козочкой мчать на работу.

— Да иду я! — кричу на очередной грохот в дверь.

И мой ещё сонный мозг подмечает, что если бы это были те самые братки, то вряд ли бы стучали.

Открываю дверь и натываюсь на такие знакомые лица, что не сразу понимаю, что происходит.

— О, Господи! — в один голос выпаливают мама и папа. Но маменька ещё и руки прикладывает к груди, быстро обводя меня взглядом.

— Нет, это всего лишь я, ваша дочь, — отвечаю родителям и не отхожу в сторону.

Вот не до гостей мне... А сколько сейчас времени?

— Не паясничай, — говорит мама и делает шаг ко мне, ловко отодвигая меня в сторону. — Ваня, сумочки не забудь, — бросает папе через плечо.

— Привет, дочь, — тихо здоровается папа и даже умудряется чмокнуть меня в щёку.

А вот я совершенно не удивлена визиту родителей в такую рань, учитывая то, что мне вчера уже вечером принесла Оля. Сплетни — страшная двигательная сила. В одном конце города пукнешь, в другом уже скажут, что ты валялась пьяная и тебя имели все мужики.

А вот с мамой сейчас будет занимательная беседа. Да и кто может остановить женщину, которая когда-то в муках дала мне жизнь, кормила, растила, ночи не спала, а я, такая бес-

совестная, вот совершенно не ценю её вклад в свою жизнь? Так что моя маменька прямиком проходит в дом и быстренько осматривает всё своим профессиональным взглядом — будто не уютный домик проверяет, а место преступления на предмет улики.

Хотя чему я удивляюсь и из последних сил стараюсь не закатить глаза. Сейчас начнётся: «Лиза, ты похудела», «Лиза, у тебя круги под глазами», «Лиза, когда ты наконец выйдешь замуж и подаришь нам внуков?»

Папа, как всегда, держится чуть позади, не изменяя своей мудрой тактике. Он вообще у меня дипломат: стоит, улыбается виновато и потирает руки, будто хочет сказать: «Я тут ни при чём, это всё она, но я тебя всё равно люблю».

— Лизавета, — начинает мама, снимая пальто и вешая его на крючок с такой точностью, будто это стратегически важный объект, — ты почему не отвечаешь на звонки? Мы с отцом волновались!

Конечно, волновались, я даже не сомневаюсь. Волновались так, что решили заявиться в восемь утра в субботу, чтобы лично убедиться, что я не лежу где-нибудь в канаве.

— Мам, я просто работала допоздна, — зеваю я, пытаюсь пригладить волосы, но они, как назло, только пушатся ещё сильнее. — И телефон поставила на беззвучный.

— Работала? — мама поднимает бровь так высоко, что я почти восхищаюсь её гибкостью. — В субботу утром? В восемь?

— Ну... вчера вечером, — уточняю я. — Пришлось взять работу на дом.

— И что же такого срочного случилось, что ты забыла про свою семью? В субботу ты приезжаешь к нам. А сегодня я проснулась, а тебя нет! — в голосе мамы звучит та самая нотка праведного негодования, от которой у меня уже зубы сводит.

Боже, ну дай мне терпения. Граммулку, чтобы я не злилась на свою мамульку. Ну не рассказывать же ей, что срочного случилось у меня? Что мой дорогой, уже в прямом смысле, начальник Кузьма Семёныч решил сделать меня своей личной представительницей перед братками, а я теперь должна разгрести последствия его подарочков? Тогда терпения будет мне мало. Нужно ещё ведро спокойствия и целый багажник приличных слов. А они почему-то не хотят приходить сейчас на ум. Я спать хочу. Но жизнь слишком жестока, чтобы всё было по нашему хотению.

— Ничего особенного, — пожимаю плечами и медленно двигаюсь в сторону кухни. Мне нужен кофе. — Просто аудит начался внеплановый.

— Аудит? — папа оживает. — Это серьёзно. Может, помочь чем? Я в своё время бухгалтерию неплохо знал...

— Спасибо, пап, — улыбаюсь я как можно теплее, — но тут всё под контролем. Просто нужно разобраться в документах.

Эх, знал бы ты, папа, какой будет увлекательный аудит,

если я не разгребу всю ту дичь, что оставил мне этот калека со званием шефа. Но здесь не получится просто свести дебет с кредитом. Обычной математикой братков не удивить. Тут высшая нужна. В идеале — летучая, но Коршунов не объявлялся вчера. Значит, опять исчез.

Мама тем временем уже прошла за мной на кухню, открыла холодильник и изучает его содержимое с видом эксперта-криминалиста.

— Ты совсем не ешь! — выносит она вердикт, а я только молча киваю. — Одна минералка и какой-то засохший сыр! Лиза, ты себя в гроб загонишь! Ваня, неси сюда сумку, ну что ты застыл!

Мама дорогая, ну за что, да ещё и в субботу с утра! Вот сейчас она достанет из сумки контейнер с котлетами, и начнётся настоящее спасение моей жизни. Сначала котлета, потом совет про замужество, потом вопрос про внуков... Всё по сценарию.

— Мам, — пытаюсь я мягко сменить тему, — а вы чего так рано? И чего это дедушку не взяли?

— Опять паясничаешь? — она оборачивается ко мне с таким видом, будто я только что сказала, что уйду в монастырь. — Лиза, мы — твои родители! И когда волнуемся за ребёнка, встаём с рассветом! И хотим видеть свою дочь, пока она ещё не превратилась в ночной призрак! Ваня, подтверди.

— Да, — уверенно кивает папа и входит на кухню к нам. И вот я смотрю на своих родителей и пытаюсь понять, что

это у них за такая идея фикс — отдать меня замуж. Да и... Мама с папой настолько разные, и даже не сразу поймёшь, что чуть полноватая, среднего роста мама, с морщинками у глаз, и высокий статный папа кардинально меняются ролями, когда дело касается меня.

Мне вообще иногда кажется, что папа либо очень сильно любит маму и поэтому ей всегда поддакивает, или просто он слишком мягкотелый, хоть и большой и сильный.

— Мам, пап, я, конечно, очень благодарна вам за заботу, но мне бы собраться сейчас и доделать работу, — разворачиваюсь к родителям, сжимая в руках чашку с кофе.

— То есть мы тебе мешаем?! — голос мамы немного повышается, а вот у папы только глаза увеличиваются в размере, и он будто пытается мне показать ими, что, кажется, я сказала лишнего.

В этот момент раздаётся стук в дверь. Все трое вздрагивают. И вот я даже не знаю, благодарить мне ещё одного гостя или идти искать новое средство защиты по дому.

У меня сегодня день открытых дверей, что ли?

— Ты кого-то ждёшь? — настороженно спрашивает мама.

— Курьер, наверное, — бормочу я, пытаюсь сообразить, что же делать.

Хотя что делать? Нужно идти открывать дверь и решать вопрос по ходу. Подхожу к шкафу и, открыв его, первым замечаю зонт-трость. Беру его в руку и иду к двери.

— А это зачем? — спрашивает хмурый папа и идёт за

мною.

— На всякий случай, — пожимаю плечами.

— Лизавета! Быстро отвечай родителям, куда встряла? — громко кричит мама.

И тут я слышу громкий голос того, кого меньше всего хотела видеть именно сейчас:

— Лиза, я знаю, что ты дома. Открой. Нам нужно поговорить. И даже если ты там голенькая, можешь не стесняться!

— Идиот, — выдыхаю я замирая у двери, уже держась за ручку и бросаю быстрый взгляд через плечо на родителей.

Мама скрещивает руки на груди и смотрит на меня с подозрением. А папа делает вид, что очень заинтересовался своим отражением в зеркале.

Глава 11

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.